

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА МАРЕЕВА (1941–2019)

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Иващук О. Ф. Диалектика формы и жизнеспособность культуры. Памяти С. Н. Мареева // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 195–204. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.23

Дата поступления 25.02.2020 г.

УДК 316.342.6

Ольга Иващук¹

ДИАЛЕКТИКА ФОРМЫ И ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ КУЛЬТУРЫ. ПАМЯТИ С. Н. МАРЕЕВА

Аннотация. Опираясь на методологию П. Бурдьё и Н. Элиаса, автор доказывает, что советский творческий марксизм, объединившийся вокруг Э. Ильенкова, является автономной философией. Она автономна в двух смыслах: 1) независима от политического поля; 2) несмотря на связь с немецкой классикой, ее нельзя считать культуртрегерством. Она представляет собой оригинальную рефлексию культуры на собственные основания, которую произвела историческая ситуация, структурно гомологичная той, что породила и немецкую классику.

В обоих случаях: 1) она была частью решения задачи производительного перехода к рынку современного типа: разработкой условий возможности воспроизводства субъектов производства; 2) это решение было связано с преодолением двойственной ошибки, выступающей инструментом господства, которую П. Бурдьё называет *scholastic fallacy*; 3) сама способность культуры к этому преодолению обусловлена подчиненным положением слабого конкурента и необходимостью сопротивляться псевдоморфозу.

На примере сопоставления диалектики формы у Гегеля и у Мареева автор показывает, как Мареев не столько интерпретирует, сколько переоткрывает гегелевскую разработку, опираясь на современные ему логические теории. В результате возникает оригинальный вариант преодоления *scholastic fallacy*.

Ключевые слова: автономия философии, рынок, производство, творческий марксизм, гомология, диалектика.

1 **Иващук Ольга Федоровна** — доктор философских наук, доцент. Институт общественных наук РАНХиГС. Москва, Россия.
E-mail: ofi@list.ru. ORCID: 0000-0002-8780-8103; ResearcherID: M-8050-2014; AuthorID: 250556, SPIN-код: 3129-3533.

12 сентября 2019 года не стало Сергея Николаевича Мареева. Для многих из нас он был ориентиром и живым ответом на вопрос: что значит мыслить? Потеря его невольно рождает тревогу: в каких координатах мы остались? И настоящая статья представляет собой не некролог, а скорее попытку в первом приближении это понять, осмыслив некоторые контуры того, чем мы сегодня благодаря Сергею Николаевичу располагаем, что он оставил людям.

В последнее время «советский творческий марксизм», представителем которого был и С. Н. Мареев, вызывает интерес как в отечестве², так и на Западе, в том числе благодаря переводу некоторых работ Э. В. Ильенкова, посвященным ему совместным публикациям российских и европейских интеллектуалов³, книге В. Янцена и Б. Зиберта [Jantzen, Siebert, 2003]. Среди прочих

причин называют то, что проекты влиятельных философов А. Бадью [Badiou, 2009] и С. Жижека [Zizek, 2012] были ими позиционированы как диалектико-материалистические, но при этом не имеющие родства ни с диалектикой, ни с критической теорией, так что «на западе стал менее устойчивым антидиалектический консенсус» [Сюткин, 2017, с. 284].

Выявить значимость советского творческого марксизма в общемировом философском пространстве еще предстоит. Однако то, что формирует специфику этой философии, можно высветить только через ее соотнесение с породившей ее почвой. Рассмотреть этот аспект и является целью настоящей работы.

Автономная советская философия

С. Н. Мареев вместе с немногими единомышленниками, группировавшимися вокруг Э. В. Ильенкова, составляет ядро того феномена, который можно обозначить как автономную советскую философию. Автономной эта философия является в двух смыслах.

1. В смысле П. Бурдьё: она независима от властей предрежащих и рынка. Поскольку рынок в

² Если фиксировать интерес только к извне самого феномена, см., например, [Пуцаев, 2018] и отклики на эту книгу.

³ Например, журнал «Стазис», 2017, т. 5, № 2 посвятил советскому марксизму весь номер.

СССР отсутствовал, от него можно отвлечься. Автономия же от политической сферы выразительно документируется протоколами тех аутодафе, которым подвергся Ильенков со стороны партийной и академической власти.

В этих документах, во-первых, лейтмотивом обвинений в адрес Ильенкова выступает «аполитичность» его философии и ее «отрыв от практики» [Ильенков, 2017, с. 72]. Действительно, понимание предмета философии как познающего мышления грешит тем и другим, поскольку обосновывает статус философии как науки с собственным предметом исследования, что исключает манипуляции ею со стороны власти. Во-вторых, критерием того, что поле достигло порога автономии, является обращенный (относительно политического) порядок накопления его специфического капитала. О факте, что в советской философии благодаря Ильенкову обращенный порядок устоялся, свидетельствуют те же протоколы. Так, на заседании Сектора диалектического материализма Института философии, созданного ради очередного порицания Ильенкову, передавшему рукопись «Диалектики абстрактного и конкретного» издательству Фельтринелли, В. И. Стемпковская оправдывается за коллектив Сектора, который не смог вовремя на Ильенкова повлиять: «Давайте на партийном бюро честно сознаемся, что в Секторе, например, не так-то просто выступить против Ильенкова, когда в теоретическом отношении он стоит на голову выше зав. Сектором» [там же, с. 61].

2. Эта философия автономна и в том смысле, что ее вклад, несомненно преемственный западной классике, прежде всего, немецкой классике, никак не может быть назван культуртрегерством, но представляет собой реальное и плодотворное усилие быть самосознанием культуры, которая прокладывает собственный исторический путь в нелегких условиях догоняющего развития. Причем проблемы, вызывающие к жизни такую философию, суть проблемы вполне определенного сорта. Их специфику можно прояснить с помощью сопоставления советского неогегельянства с исторически первым гегельянством в Германии.

Культурная гомология немецкого и советского гегельянства

«Сопоставлять, — предостерегает О. Шпенглер [Шпенглер, 1998, с. 271–272], — можно далеко не все что угодно, но для разумного соотношения следует искать гомологичных отрезков жизни культурных образований». И если имеются основания поставить С. Н. Мареева, как и Э. В. Ильен-

кова, в гомологическую связь с немецкой классической философией, то это означает, что их труд по смыслу и месту в их культурно-историческом целом объективно должен отвечать той же задаче, которую решала и она. Этой задачей была выработка метода сознательного образовательного культивирования творческой субъективности, без решения которой отстающая культура не может стать субъектом рыночной игры. Сам факт существования такой философии позволяет говорить о трансформации культуры изнутри, а не о псевдоморфозе¹.

Правомерность этого предположения видна из следующего. Поскольку европейское развитие начиная с XIX существенно определяется производством не просто рыночным, но производством, опосредствованным рынком современного типа (*laissez-faire*), то с этого времени альтернатив рыночной игре больше не существует, каждая культура, вступающая в индустриально-капиталистическую эру, вынуждена специфический для нее способ производства человека переплавить в рыночный. Специфику последнего составляет коммодификация всех факторов производства (в том числе тех, которые К. Поланьи называет «фиктивными товарами» [Поланьи, 2007, с. 87], а К. Маркс — моментами производственного отношения: субъектом-организатором, субъектом-непосредственным производителем и природой [Маркс, 1962, с. 354]). Сможет ли при этом рынок функционировать производительно или произойдет удушение производства (и субъектности культуры) рынком — зависит от того, защищают ли культурные институции от буквализма коммодификации самих субъектов производственного отношения, позволяя им воспроизводиться.

Как показывает история, оптимальным интегратором всех трех направлений защиты воспроизводства является национальное бюрократическое (не династическое) государство, поэтому такое государство и рынок возникают одновременно и друг без друга невозможны.

Европейский рынок *laissez-faire* заработал в полную силу уже в первой трети XIX века. Лидером на нем были Англия и Франция, а Германия на рубеже веков (как и мы сейчас) находилась в таком переходном положении, когда выработка

¹ «Историческими псевдоморфозами я называю случаи, когда чуждая древняя культура довлеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот — ее родной, не в состоянии задыхаться полной грудью и не только что не доходит до складывания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания» [Шпенглер, 1998, с. 193]

этих самых защит была для нее вопросом выживания: открывшаяся мировому рынку отсталая страна с буржуазией, только еще вырабатывающей свою отнюдь не гарантированную производительную мощь и ведущую к ней мыслительную культуру, которая должна была преодолеть сеньориальный, расходный (как это называл В. Зомбарт [Зомбарт, 2005, с. 37, 147 ff]) образ мыслей и противодействовать ему систематически², культивируя предпринимательский, инновативный дух. Самостоятельная продуктивность, свобода творческой субъективности, ее условия возможности — вот что должно было выдвинуться на первый план в духовной жизни. Причем, условия эти отыскивались не только в ментальном пространстве одинокого субъекта, но и в пространстве межсубъективном, социально-институциональном.

Так, Фихте обосновывал и трансцендентальный «моральный миропорядок», и «замкнутое торговое государство». А Гегель в «Феноменологии духа» показывает, что, хотя современный ему исторический характер человеческих отношений все сильнее рынка погашает значимость социальной конституэнты индивида, все же действительный мир всеобщей межиндивидуальной связи тем самым не исчез, он остается различимым в гегелевской оптике: «Пусть индивидуальность общего хода вещей считает, что она совершает поступки только для себя или своекорыстно, она лучше, чем она мнит о себе, ее действие есть в то же время всеобщее действие» [Гегель, 2008, с. 309]. Самые эгоистические цели преследуются в формах, выработанных для воспроизводства социальности³, так что, воспроизводя себя, эгоистический индивид всегда воспроизводит свои социальные отношения, в которых он сам воспроизводится. Именно так выкристаллизовываются в самосознании культуры те формы, которые ради ее воспроизводства требуют институционального оформления и защиты.

Этот процесс в немецкой культуре был отрефлектирован полнее, чем в других, потому что в Германии, которую положение слабейшего конкурента на рынке привело к оптимальной тактике сопротивления, вовремя произошла реальная

мобилизация этой социальной, солидарной культурной конституэнты. Она позволила выработать соответствующие защиты, прежде всего, защиты национальной академической сферы, которые позволили расцвести тому интеллектуально затратному, но необходимому для перехода к рынку формообразованию, которое получило имя немецкой классической философии.

Оптимальной указанная тактика была потому, что в позиции слабого конкурента выигрышной является попытка не просто занять место сильного (это невозможно), но оспорить сам порядок мира с единственным центром господства в пользу плюриверсального [Элиас, 2001, с. 59–62]. Это позволяет противодействовать унифицирующим стратегиям, которые пытается навязать лидер рынка, и приводит к возникновению в сознании сопротивляющейся культуры различия цивилизации как чужой, формальной, формы, олицетворяемой лидером (экспансии которого выгодна сдвигаемая или открытая граница), и культуры, т. е. формы, выросшей на собственной почве (*eigentlich*) и имеющей свою четкую границу и особенность.

Экспансия лидера стремится навязать культурно-безотносительный, т. е. индивидуалистический, образ мыслей и подчиняемый, поскольку принятие соперником этих правил игры лишает его символических опор для выработки коллективного сопротивления и делает легитимным выигрыш лидера. Точкой зрения господства, как показывает П. Бурдьё, вообще является точка зрения одиночного *Cogito* [Бурдьё, 2001, с. 53], поскольку она содержит трудно выявляемую ошибку, которую П. Бурдьё называет *scholastic fallacy*. Последняя состоит в том, что сеньориально настроенный теоретик, располагающий досугом, приписывает то же состояние и свои интересы тем, кто погружен в недосуг [Бурдьё, 2019, с. 294–295]⁴. Она и является инструментом навязывания определенных форм мышления и поведения через сокрытие и непризнание, вытеснение из зоны видимости альтернативных способов *vision et division*, превращая тем самым всё потенциально субверсивное в недоступное.

Вот почему плоско-эмпирическое воззрение на мир и науку, связанное с точкой зрения оди-

2 «Что всегда сокрушало предпринимательский дух, без которого не может существовать дух капиталистический, — это измельчение в сытое рантьество или усвоение сеньориальных замашек» [Зомбарт, 2005, с. 434]

3 С навязыванием этих форм и доступом к нему связана борьба за признание (диалектика раба и господина).

4 Она может реализовываться двояко — через приписывание субъектности одинокому *Cogito* или коллективному субъекту, подобно тому, как это происходит в противостоящих американских социологических направлениях, называемых CAT (*collective activity theory*) и RAT (*rational activity theory*).

ногого индивида, возобладало в английском и французском Просвещении, которому трудно было бы даже объяснить, в чем различие цивилизации и культуры, но в немецкой культуре оценивалось как если и неизбежное, то все же сугубо вторичное и опосредствованное, что надо обезвредить, чтобы «из смерти и заката ложной науки и абстрактных теорий в Германии могла скорее прорасти истинная Наука и Метафизика» [Шеллинг, 2014, с. 465].

Это и привело к преодолению *scholastic fallacy*. Первым шагом к этому было развертывание *Cogito* в трансцендентальную субъективность. Но от *Cogito* ее отличает только абстрактно-всеобщий характер, при котором сверхиндивидуальные характеристики человека моделируются все же по образу индивида («Яйность» вместо «я»). Такая *cogito*-ориентированная организация человеческого мира превращает его в процесс, по преимуществу познавательного детерминированный, где одинокому мыслящему индивиду, умеющему «пользоваться собственным умом» [Кант, 1966, с. 27], может противостоять и им признаваться лишь полагаемый им объект, в котором все исчислимо, и теория, помимо такого исчисления, не видит за собой иных возможностей и обязанностей, вытесняя все прочее в область веры.

Поэтому и понадобилась реформа самих основ построения теории, равной которой не было в истории: рождение гегелевской диалектики, исходящей из человека не как из атома, но из человека как общительного, общественного существа, отнесенного к другим субъектам — что и означает у Гегеля: мыслящего.

Поскольку процесс развития общественного производства рыночного типа идет волнами, через периодические колебания между усилением рыночного либерализма и усилением институционально-государственных защит, этой же периодичности можно ожидать во всплесках интереса к Гегелю и классическим темам, которые становятся нужны, когда экзистенциальные угрозы заставляют перевести теоретизирование о субъекте из подспудного режима в режим активной разработки. В периоды же стабильного инерционного развития эти темы отодвигаются, но продолжают оберегать субъективность, поскольку стали необходимой частью высшего образования в виде *humanities*.

Тяготение советской философии к немецкой классике, к Гегелю как ее последнему слову было как раз случаем культурной одновременности с тем созидательным отрезком истории, когда раз-

витие не-одномерной субъективности делает шаг вперед.

В советской философии эту задачу непосредственно и решала работа Ильенкова, Мареева и других, кого выделяет из всех версий советских попыток философствования не просто успешное избегание ошибки *scholastic fallacy*, но методическая работа по выявлению ее оснований и их преодолению. Отказ от «субъективно-идеалистической версии логического» как «одинаковости, тех схем, по которым работает каждое порознь взятое Я» [Ильенков, 2974, с. 145–146], и связанные с ним исследования неоднородности идеального, образовательных институтов и практик, формирующих идеальное как то, что делает человека человеком, объединяет их всех.

С. Н. Мареев и диалектика формы

А. Форма у Гегеля

Центральная роль работы С. Н. Мареева в этом кругу задач определялась тем, что он по образованию был логик, которому свободное владение техникой этой дисциплины позволило не раствориться в ней, а исследовать ее предпосылки. И в этой работе С. Н. Мареев был на высоте самых виртуозных фигур логики гегелевской. Можно показать, что у него гегелевская Логика не просто реактуализируется, но дошлифовывается. Для такой демонстрации возьмем, за неимением места, лишь одну из наиболее запоминающихся мареевских разработок, диалектику формы [Мареев, 1978].

Если проследить, как у самого Гегеля выписана эта диалектика, мы найдем значительные расхождения между Большой логикой и более поздней Логикой энциклопедической. И эти расхождения не просто композиционные: перестановка категории в логической цепи должна быть мотивирована из самой сути дела. Гегель, однако, не объясняет, почему идет на эту перестановку.

В Большой Логике форма выступает как раскрытие фигуры формального основания, т.е. сразу после того, как начальные категории раздела «Сущность» («чистые рефлексивные определения»), превратившись в стороны противоречия, переходят в основание (*zu Grunde gehen*). Обращение к форме именно в этом месте логично, поскольку именно благодаря выявлению основания перехода противоположностей, обозначившихся в поверхностном многообразии наличного, сущность впервые получила определенность, т.е. форму. Теперь эта определенность выступает как внутреннее различие основания. И это различие заставляет основание (пока формальное) прохо-

дуть снова три стадии движения, которые проявились в движении чистого различия: от формального, наименьшего различия («различия, которое еще не есть различие»), через внешнее (реальное) различие к противоречию и снятию в новом уровне, т. е. двигаться в направлении сначала реального основания, а затем к снятию основания в существовании.

Все это происходит здесь на одну ступень раньше, чем в Энциклопедии, где форма рассматривается уже внутри раздела «Существование», при разборе отношений вещи к себе и к другим вещам. Здесь как внешняя рефлексия вещи в иное возникают материи — сначала как свойства вещи, попытка обосновать принадлежность которых данной вещи приводит к бесконечному регрессу и превращению свойств в устойчивые за пределами данной вещи и безразличные материи, лишь случайной «точечностью» которых оказывается вещь. Вещь в них поэтому растворяется. При этом материи равнодушны друг к другу и к вещи, т. е. равнодушны к форме, в себе они суть одно и то же, и потому сливаются в одну материю.

Но дальше изложение в Энциклопедии движется так, что трудно понять: перед нами обещание или уже переход к тому, что обещано. Так, непосредственно за констатацией равнодушия материи к форме Гегель пишет: «Но материя... содержит как существование столь же рефлексивную-другое, сколь и в-себе-бытие; как единство этих определений она сама есть тотальность формы. Форма же как тотальность уже содержит в себе определение рефлексии-в-самое-себя, или, иначе говоря, как относящаяся к себе форма она обладает тем, что должно составлять определение материи. Обе они суть в себе одно и то же» [Гегель, 1971, с. 293–294]. Из того, что форма и материя в себе едины, следует, что они должны обнаружить это единство как положенное, а не как лишь в себе, не как вообще единство, а содержательное. Но как это произойдет?

Дальше изложение в Энциклопедии как будто повторяет движение категории существования из Большой логики: явление через повторяющееся обусловливание другим явлением развертывается в мир. Но в Большой логике тут появляется важное опосредствование: в этом развертывании обнаруживается устойчивость — закон, относительно которого выясняется, что всегда для одного явления можно обнаружить два ряда законов, образующих противоположность друг другу, благодаря которой абстрактный вначале «в себе и для себя сущий мир» законов развертывается в

являющийся мир, т. е. наполняется многообразием. При этом ни слова о форме и содержании там нет. А в Малой логике описание бесконечного обусловливания вдруг увенчивается утверждением, что существование развернулось в тотальность [там же, с. 298], хотя до сих пор речь шла только о дурной бесконечности. Как последняя свертывается в тотальность — остается за кадром, и Гегель как что-то само собой разумеющееся заявляет: «мы здесь имеем удвоение формы» [там же], говорит, что содержание не бесформенно, форма содержательна, приводит интересные примеры, вроде того, что бессодержательная книга — это не книга с пустыми страницами, а книга, бедная мыслью. И хотя читатель и рад бы внять заключительному наставлению, что «не следует рассматривать мысли как в себе пустые формы» и т. д., но не может, ведь ему все же не показано, как этот переход к положенному единству материи и формы состоялся.

У Гегеля здесь действительно совершенно непонятно, силой какой необходимости оказывается, что «содержание есть не что иное, как переход формы в содержание, а форма — переход содержания в форму» [там же]. Это Гегелю не мешает дальше опираться на введенные категории в их диалектическом понимании. Но как перейти или перепрыгнуть читателю, который пытается со-мыслить, с одного берега (не рефлексированной формы) на другой (формы содержательной)?

Большая логика, конечно, на многое проливает свет, особенно параграф «Форма и материя», где видна активность формы, поскольку она как «соотносящееся с собой отрицательное» есть противоречие внутри самого себя, ...отталкивает себя от себя» [там же, с. 79]. Но и тут мы видим, как полагается внешность формы, а нам нужно понять, наоборот, как снять внешность, как «материя должна принять форму, а форма должна материализоваться» [там же], чтобы стать содержательной.

Последний шанс читателя перед тем, как Гегель объявляет задачу решенной — задолго до рассмотрения раздела о существовании и законах — это абзац о том, что форма содержится в материи как скрытая, и «материя есть то же противоречие в себе, которое содержит форма, и это их противоречие, как и его разрешение, есть лишь одно противоречие... Следовательно, определяясь формой как чем-то внешним, материя достигает своего определения» [там же, с. 81], и это соотношение с собой выступает «как соотношение со своим иным» [там же].

Ясно отсюда лишь то, что, раз материя остается моментом формы, они не должны остаться просто внешними. Раз она способна принять любую форму, то, соотносясь с материей, форма соотносится лишь с собой.

В этот момент отчаяние может привести читателя к подозрению, что перед ним разыгрывается какое-то мошенническое действо — внешняя материи форма просто объявляется содержательной, потому что в себе они суть одно.

Б. Форма у Мареева

На самом деле подозрение напрасно, все необходимое у Гегеля сказано, хотя привести это к ясности может только отсутствующий пока контекст.

Поэтому когда Гегель пишет: «материя есть то же противоречие в себе, которое содержит форма, и это их противоречие, как и его разрешение, есть лишь одно противоречие», — здесь совсем не просто вычитать ключ решению, если заранее не знаешь, в чем оно состоит, потому что этот пассаж можно прочесть и так: материя есть одна из сторон того противоречия, которое содержит форма, поэтому в материи это противоречие лишь в-себе.

Но это же не то, чего мы ищем: мы ищем содержания, в которое должны пресуществиться пока еще пассивная, не оформленная материя и пустая, не признающая собственной оформленности материи, форма.

Но вот за эту проблему берется Мареев — и становится видно: здесь все правильно и на месте. И ясно также, что, дабы получить это решение, его нужно было произвести заново, и притом опираясь на современные логические достижения, а не просто позаимствовать готовым из гегелевского текста: последнее невозможно!

Мареев начинает с того, что прослеживает становление формы внешней. Проблема эта с необходимостью возникает в теоретическом познании, хотя может казаться, что теория является простым отражением существенных черт в самом предмете и что ей по силам ухватить это существенное простой интуицией и ее дескрипцией.

Но теория — это всегда дедуктивная система, т. е. система формальных преобразований некоторого, одного и того же, содержания, предмета. И попытка ее построить всегда приводит к тому, что ее логические отношения обнаруживают странности, противоречия естественной семантике. С. Н. Мареев приводит пример с определением глагола. Кажется, что глагол — это обозначение действия. Однако действие могут

обозначать и другие части речи. Значит, «обозначать действие», такое очевидное на первый взгляд определение, оказывается для глагола не специфическим определением, а внешней формой. Внутренняя его форма достигается только в системе частей речи, куда глагол входит, отвечая на вопросы определенного вида (что делать, что сделать и т. д.). Так форма начинает демонстрировать безразличие к тому, формой чего она казалась вначале. Т. е. расщепление формы на форму внутреннюю (определенность самой сущности, которую, как выясняется, только предстоит уловить и только с помощью теории) и форму внешнюю («не рефлексированную», непосредственную определенность), происходит с логической необходимостью.

И вот мы подошли к тому, на чем споткнулись у Гегеля: как это расщепление формы преодолевается?

С. Н. Мареев показывает это, исходя из движения самого внешнего формализма. Как в 1931 году доказал К. Гедель, система формальных преобразований, которая достигает полноты, необходимо противоречит себе. Но если у Геделя это своего рода фатальный недостаток всякой теоретической системы, то Мареев формулирует положительный смысл этого результата, смысл всякой формальной обработки эмпирического материала: «смысл формального движения заключается в том, чтобы путем формальных преобразований одного и того же содержания (что и выражается формой $A=A$) привести его к виду, в котором явно обнаруживается форма A и не- A » [Мареев, 1978, с. 40]. Ради этого результата оно на деле и предпринимается! Только когда он достигнут, мы можем быть уверены, что формальное движение уже исчерпало себя.

С этого момента становится значимой именно определенность того « A », о котором идет речь и от которой до сих пор отвлекались: мы должны стать «на почву ... особенной науки, по «ведомству» которой это особенное содержание и происходит» [там же, с. 48] и проследить, как это противоречие разрешается в самой действительности, а не в голове. Разрешается же оно благодаря тому, что в самой эмпирии мы должны обнаружить его опосредствующее звено, единичное, такое независимое существующее, которое само будет характеризоваться теми же определениями, в которых артикулировано противоречие теоретической формы (вот как читается гегелевское: «это их противоречие, как и его разрешение, есть лишь одно противоречие»!).

Только если повезет найти существующий в эмпирии элемент, который по своим характеристикам будет точно отвечать запросу формы (будет именно А и не-А, а не В и не-В), форма, заостренная теорией до противоречия, обнаружит, что она есть собственная форма этой эмпирии, а эмпирия перестанет быть голой материей, но возвысится в содержание, которое характеризуется «богатством определений мысли», как говорил Гегель, чье построение только теперь становится прозрачным и оправданным в каждом его тезисе. И, кроме того, роль эмпирического существования в разрешении противоречия позволяет согласовать расхождение двух гегелевских изложений движения формы. И на этот раз не только Большая логика поясняет конспективность Малой, но и движение основания к существованию через обуславливающее опосредствование (развертывание системы формальных определений) и полное основание (полную формальную систему) в Большой логике становится понятнее как движение формы.

Так движение формы оказывается процессом обогащения себя содержанием, восхождением от абстрактного к конкретному, в котором «логический переход становится... выражением действительного исторического перехода» [Мареев, 1978, с. 50].

В этом переходе движение формы не просто конструирует свой предмет, но предоставляет ему самоопределиться, т.е. полагает его объективными (всеобщими и необходимыми) средствами как (другой) субъект! Так выглядит методология, которую П. Бурдьё мог бы назвать объективацией объективации.

Ближайшим образом она служит проникновению в тонкие структуры фундаментального отношения производства человека. Не случайно и в разбираемой статье С. Н. Мареев, демонстрируя применение гегелевской логики формы, обращается к разбору условий продуктивности общественного производства в стоимостной форме, к вопросу об условиях приращения стоимости, переходе от формального — сеньориального — капитала с его формулой $D-D'$, к реальному капиталу, где в основе приращения стоимости лежит не нарушение эквивалентности обмена, но затрата повышающего продуктивность труда в стоимостной общественной форме.

В качестве условия продуктивности этого труда и ее возрастания выступает не обмен (рынок) как таковой: он подчиняется закону обмена эквивалентов; и не процесс опредмечивания тру-

да как таковой: в нем не происходит изменения количества труда; но противоречие общественной формы труда, которая опосредствует способ соединения работника с предметом труда. То, что труд затрачивается в определенной общественной форме, вообще обеспечивает извлечение прибавочного (сверх органической нужды) труда, т.е., делает труд человеческим. А в случае капитала, стоимостной формы, становится видно, что воспроизводство сторон отношения зависит от воспроизводства продуктивности труда, которая находится за пределами собственно менового эквивалентного отношения. Эта сторона труда, составляющая потребительную стоимость рабочей силы, и требует прежде всего заботы о воспроизводстве в расширяющихся масштабах, а не предоставления ее буквализму коммодификации.

В свое время М. Вебер показал, какими путями гибнет культура, если ее господствующий класс не заботится о том, чтобы ее труженик мог воспроизвести себя [Вебер, 1994, с. 447–466]. Перед капитализованным производством стоит задача более высокая — обеспечить не просто воспроизводство, но повышение производительности через возвышение потребностей и образованности обеих сторон производственного отношения, т.е., включая самих тружеников.

Заключение

Таким образом, автономная советская философия объективно была выражением тенденции рыночной трансформации культуры, гомологичной той, что в свое время породила немецкую классику.

Характерным специфическим отличием той и другой является выработка способов опознания и сознательное преодоление того, что П. Бурдьё обозначил как *scholastic fallacy*¹, Ильенков — как субъективистскую версию логического, каковое преодоление имеет вполне различимую культурную функцию: сознательное институциональное, образовательное воспроизводство источника продуктивности современного рыночного производства.

С. Н. Мареев среди своих единомышленников был логиком и методологом по преимуществу. Он взял на себя львиную долю задачи содержательной разработки той логики, которая, как «логика самого дела» должна прокладывать путь к действительному, социально-институциональному

¹ Независимо от П. Бурдьё единомышленник Ильенкова

А. В. Потемкин назвал то же самое диатрибикой [Потемкин, 2003].

полаганию творческой субъективности. М. Бахтин мог бы назвать ее «логикой полагания чужого живого и полноправного сознания» [Бахтин, 1986, с. 328], П. Бурдые — практической логикой «конструирования... такой штуки, как субъект» [Бурдые, 2001, с. 45]. Мареев, как и все единомышленники Ильенкова, считали ее логикой «Капитала». И из «делосских ныряльщиков» советского периода, которые к ней подступались, С. Н. Мареев достигал, вероятно, наибольшей глубины. Поэтому его работы, как всякая настоящая философия, заслуживают вдумчивого изучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бахтин М. М.* К переработке книги о Достоевском // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. Москва: Искусство, 1986. 445 с.
- Бурдые П.* Практический смысл. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 562 с. ISBN 5-89329-351-7.
- Бурдые П.* Экономическая антропология. Курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993). Москва: Дело, 2019. 416 с. ISBN: 978-5-7749-1401-2.
- Вебер М.* Социальные причины падения античной культуры // Макс Вебер. Избранное. Образ общества : Перевод с немецкого. Москва: Юрист, 1994. 704 с. (Лики культуры). ISBN 5-7357-0048-0.
- Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. В 3-х т. Москва: Мысль, 1971. Т. 2. 248 с.
- Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа. Москва: Академический проект, 2008. 767 с. ISBN 978-5-8291-1050-5.
- Зомбарт В.* Буржуа. К истории духовного развития современного экономического человека. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2005. 639 с. ISBN 5-93615-044-5, ISBN 5-93615-050-X.
- Ильенков Э. В.* Диалектическая логика. Очерки истории и теории. Москва, Политиздат, 1974. 271 с.
- Ильенков Э. В.* От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960 / автор-составитель Е. Э. Иллеш. Москва: Канон+, 2017. 384 с. ISBN: 978-5-88373-066-4.
- Кант И.* Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И., Сочинения в шести томах. Т. 6. Москва: Мысль, 1966 (Философское наследие). 743 с.
- Мареев С. Н.* Диалектическая логика о сущности и взаимосвязи содержательного и формального в познании // Соотношение содержательного и формального в научном познании: сборник статей. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1978. 283 с.
- Маркс К.* Капитал. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Часть 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1962. 552 с.
- Поланьи К.* О вере в экономический детерминизм // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. Под общей редакцией Р. М. Нуреева. Москва: ГУ-ВШЭ, 2007. 321 с.
- Потемкин А. В.* Метафилософские диатрибы на берегах Кизитеринки. Пособие для студентов и преподавателей. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2003. 576 с. ISBN 5-7509-0778-3.
- Пуцаев Ю. В.* Философия советского времени. М. Мамардашвили и Э. Ильенков (энергии отталкивания и притяжения) : монография. Москва: ИНИОН РАН, 2018. 356 с. ISBN: 978-5-248-00864-3.
- Сюткин А. С.* Советская теория субъекта: материалистическая диалектика Э. Ильенкова и Мих. Лифшица. // Русский логос: горизонты осмысления : материалы международной философской конференции, Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2017 г. В 2-х томах. Т. 1. Санкт-Петербург: Интерсоцис, РХГА, 2017. 488 с. С. 284–291.
- Шеллинг Ф. В. Й.* О сущности немецкой науки. (Отрывок из фрагмента незаконченной статьи, 1807) / Перевод с немецкого И. Л. Фокина, 2009 // И. Л. Фокин. Philosophus Teutonicus. Якоб Бёме: возвешение и путь немецкого идеализма. Санкт-Петербург: Издательство Политехнического университета, 2014. 640 с. Приложение. С. 461–477. ISBN: 978-5-7422-4563-6.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. Москва: Мысль, 1998. 663 с. ISBN 5-244-00656-8, ISBN 5-244-00658-4.
- Элиас Н.* О процессе цивилизаций. Т. 1. Санкт-Петербург: Университетская книга (Книга света), 2001. 336 с.
- Badiou A.* Logics of Worlds: Being and Event, Volume 2. London: Continuum, 2009. 640 p.
- Jantzen Wolfgang, Siebert Birger* (Hrsg.) Ein Diamant schleift den anderen. Eval'd Vasil'evic Il'enkov und die Tätigkeitstheorie. Berlin: Lehmanns Media – LOB.de, 2003. 463 p. ISBN: 3-936427-66-6.
- Zizek S.* Less than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism. London: Verso, 2012. 1056 p. ISBN 978-1844678976

IN MEMORY OF SERGEY NIKOLAEVICH MAREEV (1941–2019)

Olga Ivashchuk¹

DIALECTICS OF FORM AND VITALITY OF CULTURE. IN MEMORY OF S. N. MAREEV

Abstract. Based on the methodology of P. Bourdieu and N. Elias, the author proves that Soviet creative Marxism, united around E. Ilyenkov, is an autonomous philosophy. It is autonomous, because 1) it is independent of the political field; 2) despite the connection with German classics, it cannot be considered as just culture carrier. It is the original reflection of a culture on its own foundations, which was produced by the historical situation, structurally homologous to the one that gave rise to German classics.

In both cases: 1) it was part of the solution to the problem of a productive transition to a modern type of market: the development of conditions for the reproduction possibility of productive Subjectivity; 2) this solution was connected with overcoming the error, which acts as an instrument of domination, which P. Bourdieu calls scholastic fallacy; 3) the very ability to overcome this is due to the subordinate position of a weak competitor and the need to resist pseudomorphosis.

The author compares the dialectics of form in Hegel and Mareyev and shows how Mareyev basing on modern logical theories not only interprets, but re-opens Hegelian achievements. The result is an original way to overcome scholastic fallacy.

Key words: autonomy of philosophy, market, production, creative Marxism, homology, dialectics.

¹ Ivashchuk Olga Fedorovna – Dr. Sci. (Philos.), associate professor. RANEPa. Moscow, Russia.

E-mail: of@list.ru. ORCID: 0000-0002-8780-8103; ResearcherID: M-8050-2014; AuthorID: 250556, SPIN-code: 3129-3533.

References

Bakhtin M. M. K pererabotke knigi o Dostoyevskom [To the processing of a book about Dostoevsky]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. M. M. Bakhtin. Moscow: Iskusstvo Publ., 1986. 445 p. (in Russian).

Bourdieu P. *Prakticheskiy smysl* [Practical meaning]. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2001. 556 p. ISBN 5-89329-351-7 (in Russian).

Bourdieu P. *Ekonomicheskaya antropologiya. Kurs lektsiy v Kollezhe de Frans (1992–1993)* [Economic anthropology. Lecture course at the College de France (1992–1993)]. Moscow: Delo Publ., 2019. 416 p. ISBN: 978-5-7749-1401-2 (in Russian).

Weber M. Sotsial'nyye prichiny padeniya antichnoy kul'tury [Social causes of the fall of ancient culture]. *Maks Veber. Izbrannoye. Obraz obshchestva* [Max Weber. Favorites. Society image] : Translation from German. Moscow: Yurist Publ., 1994. 704 p.). ISBN 5-7357-0048-0 (in Russian).

Hegel G. V. F. *Nauka logiki* [Science of logic]. In 3 volumes. Moscow: Mysl' Publ., 1971.V. 2. 248 p. (in Russian).

Hegel G. V. F. *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of the spirit]. Moscow: Akademicheskiiy proyekt Publ., 2008. 767 p. ISBN 978-5-8291-1050-5 (in Russian).

Sombart W. *Burzhua. K istorii dukhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka* [Bourgeois. On the history of the spiritual development of modern economic man]. St. Petersburg: Vladimir Dal Publ., 2005. 639 p. ISBN 5-93615-044-5, ISBN 5-93615-050-X (in Russian).

Ilyenkov E. V. *Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii* [Dialectical logic. Essays on history and theory]. Moscow, Politizdat Publ., 1974. 271 p. (in Russian).

Ilyenkov E. V. *Ot abstraktnogo k konkretnomu. Krutoy marshrut. 1950–1960* [From abstract to concrete. Steep route. 1950-1960]. Author-compiler E. E. Illesh. Moscow: Canon + Publ., 2017. 384 p. ISBN: 978-5-88373-066-4 (in Russian).

Kant I. Otvet na vopros: chto takoye Prosveshcheniye? [The answer to the question: what is Enlightenment?]. *Kant I., Sochineniya* [Works in six volumes]. V. 6. Moscow: Mysl' Publ., 1966. 743 p. (in Russian).

Mareyev S. N. Dialekticheskaya logika o sushchnosti i vzaimosvyazi soderzhatel'nogo i formal'nogo v poznanii [Dialectical Logic on the Essence and Interconnection of the Substantial and the Formal in Cognition]. *Sootnosheniye soderzhatel'nogo i formal'nogo v nauchnom poznanii* [The Correlation of the Substantial and Formal in Scientific Cognition]: a collection of articles. Alma-Ata: Nauka Kazakhskoy SSR Publ., 1978. 283 p. (in Russian).

Marx K. Kapital. Kniga III: Protsess kapitalisticheskogo proizvodstva, vzyaty v tselom [Capital. Book III: The process of capitalist production, taken as a whole. Part 2]. *Marks K., Engel's F. Sochineniya* [Marx K., Engels F. Works]. 2nd ed. V. 25. Part 2. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1962. 552 p. (in Russian).

Polanyi K. O vere v ekonomicheskij determinizm [On faith in economic determinism]. "*Velikaya transformatsiya*" *Karla Polan'i: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye* [The Great Transformation by Karl Polanyi: past, present, future]. Under the general editorship of R. M. Nureyev. Moscow: GU-VShE Publ., 2007. 332 p. (in Russian).

Potemkin A. B. Metafilosofskiye diatriby na beregakh Kiziterinki [Metaphilosophical diatribes on the banks of Kiziterinka]. A manual for students and teachers. Rostov-on-Don: Rostizdat Publ., 2003. 576 p. ISBN 5-7509-0778-3 (in Russian).

Pushchaev Yu.V. *Filosofiya sovetskogo vremeni. M. Mamardashvili i E. Il'yenkov (energii ottalkivaniya i prityazheniya)* [Philosophy of the Soviet era. M. Mamardashvili and E. Ilyenkov (repulsion and attraction energies)]. Moscow: INION RAN Publ., 2018. 356 p. ISBN: 978-5-248-00864-3 (in Russian).

Syutkin A. S. Sovetskaya teoriya sub"yekta: materialisticheskaya dialektika E. Il'yenkova i Mikh. Lifshitsa [Soviet subject theory: materialistic dialectics of E. Ilyenkov and Mikh. Lifshits]. *Russkiy logos: gorizonty osmysleniya: materialy mezhdunarodnoy filosofskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 25–28 sentyabrya 2017 g.* [Russian logo: horizons of understanding: materials of the international philosophical conference, St. Petersburg, September 25–28, 2017]. In 2 volumes. V. 1. St. Petersburg: Intersocis, RKhGA Publ., 2017. 488 p. P. 284–291 (in Russian).

Shelling F. V. Y. O sushchnosti nemetskoy nauki. (Otryvok iz fragmenta nezakonchennoy stat'i, 1807) [On the essence of German science. (Excerpt from a fragment of an unfinished article, 1807)]. Translation from German by I. L. Fokin, 2009. I. L. Fokin. *I. L. Fokin. Philosophus Teutonicus. Jakob Bome: vozveshcheniye i put' nemetskogo idealizma* [Philosophus Teutonicus. Jacob Boehme: the proclamation and path of German idealism]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Politekhnikeskogo universiteta Publ., 2014. 640 p. Application. P. 461–477. ISBN: 978-5-7422-4563-6 (in Russian).

Spengler O. Zakat Yevropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii [Sunset of Europe. Essays on the morphology of world history]. V. 1. *Obraz i deystvitel'nost'* [Image and reality]. Moscow: Mysl' Publ., 1998. 663 p. ISBN 5-244-00656-8, ISBN 5-244-00658-4 (in Russian).

Elias N. *O protsesse tsivilizatsiy* [On the process of civilizations]. V. 1. St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2001. 336 p. (in Russian).

Badiou A. *Logics of Worlds: Being and Event*, Volume 2. London: Continuum, 2009. 640 p.

Jantzen Wolfgang, Siebert Birger (Hrsg.) *Ein Diamant schleift den anderen. Eval'd Vasil'evic Il'enkov und die Tätigkeitstheorie*. Berlin: Lehmanns Media – LOB.de, 2003. 463 p. ISBN: 3-936427-66-6.

Zizek S. *Less than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism*. London: Verso, 2012. 1056 p. ISBN 978-1844678976.